Одновенные пожарные лестницы на задних фасадах домов Южного Бронкса – одного из самых криминальных районов Нью-Йорка.

Ласкающая глаз архитектора, – при восприятии «с птичьего полёта», – композиционная выразительность «строчной» застройки на уровне и в масштабе человеческой повседневности обернулась бесконтрольностью среды и беззащитностью жизни. Жилой комплекс Pruitt-Igoe (г. Сент-Луис, США), архит. М. Ямасаки и компания, 1955 г. (Общедоступные фото: http://en.wikipedia.org/wiki/Pruitt-Igoe).

В 60-е годы XX века американские города переживали пугающий всплеск уличной и «бытовой» преступности. Этот факт из жизни далёкой страны, да ещё полувековой давности, не мог бы привлечь нашего внимания, если бы не одно обстоятельство. Он породил исследования, а затем и теорию того, как формы жилой среды вносят свой вклад в криминализацию города и как с помощью этих же форм преступности можно противостоять, повышая безопасность горожан.

Константин Кияненко

Архитектура и безопасность: «Защищающее пространство» Оскара Ньюмана

Теория, названная «защищающее пространство»[1], была выдвинута американским архитектором, исследователем и архитектурным педагогом Оскаром Ньюманом в его знаменитой книге с одноимённым названием в 1972 году[2]. Выводы автора основаны на многочисленных исследованиях жилищ, в первую очередь, предназначенных для семей с низкими и умеренными доходами, и проведённых во многих городах США на протяжении почти сорока лет. Теория Ньюмана изменила взгляды криминологов, доказав, что не только социально-экономические и наследственные, но и пространственные факторы влияют на преступность, а значит, могут быть использованы для борьбы с нею. В большой степени благодаря Ньюману в криминологии появилась, развилась и сегодня актуальна концепция «предотвращения преступности с помощью средового проектирования» и новая отрасль знания – «средовая криминология» (Crime Prevention through Environmental Design – CPTED). Были созданы международная и европейская ассоциации, объединяющие учёных и практиков, в том числе проектировщиков, занятых решением проблем безопасности в среде[3]. Постоянно проверяя свои рекомендации в проектной практике, Ньюман оказал большое влияние на принципы проектирования и реконструкции общественного (социального) жилища не только в США, где его идеи официально приняты как доктрина деятельности Министерства жилищного строительства и городского развития (HUD), но и в других странах. С использованием теории «защищающего пространства» HUD с 1993 года реализовал программу перестройки 30 тысяч жилищ в многоэтажных домах стоимостью в 2 млрд долларов. С 1989 года в Великобритании, с опорой на идеи Ньюмана осуществлена программа Secured by Design, по ней построено 35 тысяч социальных жилищ. Голландцы с 1997 г. реализовали похожий план Policemarque Secured Housing. Во всех случаях результаты оценивались властями как очень позитивные, а снижение преступности в жилой среде как достоверно регистрируемое и существенное. Трудно вообразить, чтобы подобного рода идеи были неинтересны в современной России, где рано или поздно придётся выработать концепцию собственного социального жилища, где впереди реконструкция огромного деградированного фонда, и неизбежно обращение к проблеме

[1] Английское «defensible» буквально переводится как «защитный, удобный для обороны», но в контексте рассматриваемой Ньюманом проблемы и его ключевых идей, пространство трактуется и защищаемым, и защищающим, и защищённым.

[2] Первое американское издание этой книги называлось так: Newman, O. Defensible space: crime prevention through urban design. – New York: Macmillan, 1972. – 264 p. [Защищающее пространство: предотвращение преступности с помощью проектирования городской среды]. Английская стереотипная версия выпущена в Лондоне издательством Architectural Press под отсутствием с другими подзаголовком: "...People and design in the violent city" [«...Люди и проектировщики в городе насилия»]. В 1996 году книга переиздана, переведена на английское издание. Кроме этой книги О. Ньюман опубликовал ещё более двадцати, и все они посвящены тем защищающего пространства. Далее в тексте статьи ее встречаются отсылки к трём позднейшим публикациям: Newman, O. Design guidelines for creating defensible space. – Washington, D.C.: National Institute of Law Enforcement and Criminal Justice, 1976. – 213 p.; Newman, O. Community of interest. – New York: Doubleday, 1980. – 256 p.; Newman, O. Creating defensible space. – Washington, D.C.: U.S. Department of Housing and Urban Development, Office of Policy Development and Research, 1996. – 123 p. Полный текст последней книги можно найти на сайте: http://www.huduser.org/publications/pdf/def.pdf).

[3] Термин CPTED ввёл американский социолог и криминолог Рэй Джеффри (C. Ray Jeffery) для обозначения междисциплинарного подхода, занимающегося проблемами воздействия на криминальное поведение с помощью организации среды. Материалы о деятельности международной (ICA) и европейской (E-DOCA) ассоциаций можно найти на сайтах, соответственно: http://www.cpted.net и http://www.e-doca.eu

безопасности среды. Между тем, на поисковый запрос «Оскар Ньюман» русскоязычный Интернет выдаёт ссылки исключительно (!) на американского актёра Пола Ньюмана и его «кино-Оскары»...
Оскар Ньюман (1935-2004) получил архитектурное и градостроительное образование в университете Макгилл (Монреаль, Канада) в 1959 году. В 1959-1961 годах совершил исследовательскую поездку по Европе, где изучал, в первую очередь голландское жилищное строительство и градостроительство. После возвращения домой создал собственную проектную фирму и параллельно, в 60-е годы, преподавал в университете Вашингтона в Сент-Луисе, где и начал разрабатывать свою теорию. Толчком к этому стало его привлечение к группе архитекторов и социологов, исследовавших причины, по которым известный проект социального жилища Прютт-Айгоу[4] оказался во власти криминала и был, вскоре после строительства, отвергнут его жителями и уничтожен. С 1969 года О.Н. принимает участие в общенациональном обследовании причин преступности в социальном жилище на деньги Министерства Юстиции США, включившем тысячи интервью с жителями, представителями органов жилищной власти, менеджерами, полицейскими и жителями по всей стране. С 1972 года Ньюман – президент Института по проектированию территориальных сообществ, который, имея бесприбыльный статус, формулировал жилищную политику по заказам федерального, муниципальных правительств и властей отдельных штатов. Он был лицензированным архитектором и градостроителем, членом Американского института архитекторов (AIA), Американской ассоциации градостроителей (APA), Королевского архитектурного института Канады (RAIC). Был награждён, в частности, Почётным знаком знаменитой Конференции ООН по населённым пунктам (HABITAT) в 1976 году и знаком За заслуги Исследовательской ассоциации средового проектирования (EDRA) в 1997 году. Преподавал в Колумбийском и в нью-йоркском университетах. Всемирную известность ему (полная безвестность в России, как и в отношении многих других героев рубрики, – исключение) принесла разработка принципов социальной стабилизации территориальных сообществ, предотвращения преступности, расовой и имущественной сегрегации архитектурно-градостроительными мерами, принципов и приёмов проектирования и реконструкции социального жилища. В рамках теории и практики «защищающего пространства» Ньюман также продвинул или впервые разработал концепции «социального контроля», «территориальности», «естественной наблюдаемости». Вокруг них и структурированы небольшие фрагменты, в основном главной, из книг Оскара Ньюмана (1973).

[4] Это имя собственное стало нарицательным благодаря Чарльзу Дженксу, который назвал уничтожение комплекса властями событием, ознаменовавшим закат эры Модернизма. Краткая история комплекса такова. Он был построен в городе Сент-Луисе (штат Миссури) в 1955 году по проекту фирмы Lenweber, Yamasaki & Hellmuth как социальное жилище, для заселения преимущественно неполными афроамериканскими семьями. Комплекс воплощал все основные архитектурные и градостроительные идеи модернизма: 33 11-этажных здания на 2780 квартир и с плотностью 100 квартир на гектар создавались как «вертикальное соседство для бедных людей». Здания с коридорами на каждом третьем этаже, с прачечными, комнатами собраний и мусороприёмными камерами, с незастроенными первыми этажами. Вскоре после появления комплекс превратился в гетто, обширные коммунальные территории пустовали, преступность была такова, что матери входили и выходили наружу собравшись группами, а детей старались не выпускать из квартир. Всюду были следы вандализма, комплекс никогда не был заселён более, чем на 60%. В марте 1972 года властями было взорвано первое здание, а к 1976 году комплекс был уничтожен полностью. Вопреки распространённому мнению Прютт-Айгоу не имел значимых архитектурных наград, лишь в 1951 году он был назван журналом Architectural Forum лучшим проектом многоквартирного жилища года. Через дорогу от Прютт-Айгоу находился старый жилой квартал Carr Square Village, заселённый такими же семьями, но застроенный блокированными домами, никогда не знавший подобной деградации и разгула преступности и благополучно переживший своего скандально знаменитого vis-a-vis. Именно это соседство подтолкнуло Ньюмана к дальнейшим исследованиям и теоретическим обобщениям средовых факторов криминального поведения людей.

Проблема

Эта книга о другом пути, о средствах перестройки жилой среды наших городов с тем, чтобы они вновь оказались пригодными для жизни и контролируемы не полицией, а сообществами людей, объединяемых территорией проживания..../ Должен признаться, что поначалу идеи этой книги часто наталкивались на недоверие полицейских, работников жилищных организаций и жителей. Люди, пребывающие в условиях постоянного страха, указывали на испещрённые отметинами стальные защитные двери квартир и полагали, что автор на удивление наивен. Полицейские, отвлекаясь от непрерывной борьбы с бандами подростков и наркоманов, не слишком обеспокоенных угрозой быть задержанными, указывали на высокую стоимость модификации жилищ по сравнению с увеличением количества правоохранительных работников. Лидеры гетто и ученые социологи опровергали нас в нашей убеждённости, что преступность, порождённая скудостью средств, возможностей, образования и самопроявления может быть предотвращена архитектурными мерами. Отчасти этот скептицизм, – особенно малоимущего жителя, – который не верит в возможность изменения его физической среды, независимо от всех накопленных знаний, вполне оправдан[5].

Считается, что журналистка Джейн Джекобс была первой, кто в своей знаменитой книге «Смерть и жизнь великих американских городов», усмотрела в средовом проектировании антикриминальный потенциал[6]. Она предположила, что создаваемая городская среда тремя качествами может противостоять преступности: ясной демаркацией общественных и приватных зон, обеспечением визуального контроля улицы из жилища путём ориентации окон квартир на неё (концепция «глаза на улицу» – eyes upon the street) и высокой пешеходной активностью на улице, достигаемой большим разнообразием форм землепользования. В начале 60-х годов в США, когда эта книга была издана впервые, как и в современной российской практике многоквартирного жилищного строительства, ни одно из этих качеств не гарантировалось и не гарантируется. Что же касается критики «защищающего пространства», то она звучит с разных академических позиций и не сводится к претензиям, озвученным её автором. Считается неприемлемым его «средовой детерминизм», то есть предположение, что средовые условия могут быть решающим фактором, влияющим на криминальное поведение человека в городе. Критикуется концепция «территориальности» как применимая более к животным, чем к человеку, концепция «визуального наблюдения» за потенциальным нарушителем как способ повлиять на его поведение. Отмечаются просчёты в проведенных Ньюманом социологических исследованиях, которые делают их выводы недостаточно достоверными. Автора упрекают в том, что предлагаемые им решения не искореняют преступность как таковую, а лишь вытесняют её на другие, менее удачно спроектированные территории.

[5] Если не указано иное, фрагменты текста взяты из книги 1973 г.

Результаты исследований показывают, что два физических и два социальных фактора в основном ответственны за различия (К.К. – в уровнях преступности в жилой среде). Физические факторы – это размер жилого образования и количество семей, пользующихся одним входом в здание. Социальные факторы – это доля семей, получающих пособие на детей, и доля подростков в населении. Размер жилого образования показывает меру концентрации семей с низкими доходами /.../. Мы обнаружили, что с повышением концентрации всё большее количество жителей чувствуют себя изолированными от остального общества и острее осознают свои отличия от него. Больший размер – это клеймо – как в глазах окружающих, так и самих жителей. С ним приходит апатия и изоляция, сначала – в сознание жителей, затем в поведение муниципальных служб, – полиции, образования, благоустройства, мусороудаления и социального обеспечения. Чем большее количество жилых ячеек обслуживается одним входом в здание, тем более публичны внутренние коридоры, лифты и лестницы. Чем большее количество жителей вынуждены использовать общие зоны, тем труднее каждому отдельно предъявлять какие-то претензии на них, тем сложнее отличить соседей от посторонних и договориться с другими жителями о присмотре и уходе за этими зонами. Чем запутаннее и безадреснее жилая среда, тем с большим трудом между её обитателями устанавливается код поведения, соответствующий социальным нормам. В плохо спроектированной среде даже семьи с умеренными доходами, с супружеской парой во главе с трудом справляются с проблемами преступности и вандализма. Но когда в таком окружении сконцентрированы осколочные семьи[7], результат бывает буквально катастрофическим (1996).

[6] Jacobs, J. The Death and Life of Great American Cities. – New York: Random House, 1961. – 458 p.

Со времени выхода в свет книги Ньюмана и, наверняка, под определённым её влиянием ситуация с размерами жилых комплексов в США существенно изменилась. По данным одного калифорнийского исследования средний размер комплекса социального жилища составлял здесь в 90-е годы 89 жилых ячеек, а коммерческого – 385, то есть вчетверо больше![8]. Бедные просто отказываются жить в огромных многоквартирных муравейниках именно потому, что последние однозначно ассоциируются в глазах сограждан с бедностью. Богатых же это не смущает, так как башни кондоминиумов недвусмысленно демонстрируют уровень доходов и высокий статус их обитателей и территориальным размещением в городе, и самой архитектурой зданий. Российская ситуация пока не достигла остроты, так как люди по советской инерции относятся к многоквартирным домам как единому «общенародному» стандарту. Но по мере того, как имущественное расслоение будет всё больше трансформироваться в жилищную сегрегацию, придётся и нам повнимательнее перечитать Ньюмана.
А вот с маргинализацией проблемы социального жилища у нас и сейчас уже «всё в порядке». То есть, «жилище для бедных» вполне отодвинуто на задворки общественного и профессионального внимания. Последняя мысль О.Н. – о зле, сопряжённом с бесконтрольными публичными пространствами – вестибюлей, поэтажных коридоров, лифтовых холлов... В США автору этих строк приходилось знакомиться с реконструкцией двух-трёхэтажных секционных домов в блокированные, что само по себе меняет ситуацию с преступностью и безопасностью в лучшую сторону.

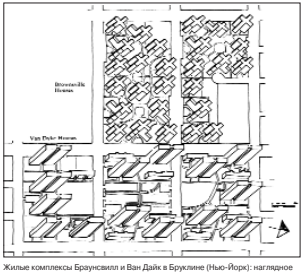
[7] Осколочными или неполными семьями демографы называют одиноких женщин, реже мужчин, проживающих со своими детьми и прочими родственниками в результате рождения детей вне брака, развода или смерти супружеской «половины». Самый массовый их тип – матери-одиночки. По данным переписи 2002 года, четверть всех семей с детьми в России были неполными, то есть самыми уязвимыми перед несовершенством многоквартирных жилищ.
[8] См.: Davis, S. The Architecture of Affordable Housing. – University of California Press, 1995. – p.65.

Знающие градостроители и архитекторы, /.../ подчиняясь решению /.../ строить жилища с высокой плотностью, обнаруживают два возможных пути: возводить безлифтовые квартирные дома настолько тесно, чтобы свести незастроенную территорию к минимуму, или строить многоэтажные лифтовые дома и, таким образом, высвобождать значительные территории для требуемых открытых пространств и рекреаций. Второй путь обычно рассматривается как более перспективный. /.../ Благонамеренные планировщики едва ли могли предвидеть, что предусмотренные ими площадки и зоны отдыха будут редко использоваться, что башни, построенные ими для высвобождения территорий, окажутся слишком опасными, чтобы отпускать детей на улицу одних, и что пропасть, отделяющая квартиру от игровой площадки во дворе, так никогда и не будет преодолена. /.../ Человеческим жизням и собственности был причинён достаточный ущерб, прежде чем правительство (К.К. – США) в Федеральном Законе от 1968 года установило норму, согласно которой семьи с детьми не должны заселяться в многоэтажные здания, если имеются другие возможности. /.../ Заметное влияние этажности зданий на уровень преступности в них вполне очевидно[9]. /.../ Для всех исследованных комплексов было подсчитано общее количество уголовных преступлений, включая совершённые рядом со зданиями и внутри них. Когда данные были проанализированы по показателю «количество преступлений на 1000 жителей» для пяти типов зданий по этажности, обнаружился разительный контраст: этот коэффициент варьировался в пределах от 8,8 для трёхэтажных зданий до 20,2 для 16-этажных[10].

[9] Речь идёт о социальном жилище в США середины-конца 1960-х гг.
[10] Социально-имущественный, демографический, национально-этнический состав жителей разных по этажности зданий и другие существенные факторы были одинаковы.

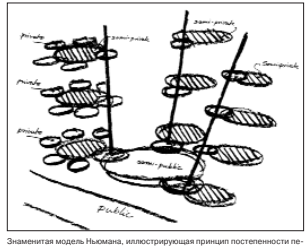
Одна из глав книги – «История двух проектов» – описывает любопытную ситуацию. В нью-йоркском Бруклине лишь магистралью разделены кварталы Браунсвилл и Ван Дайк. В них живут одинаково бедные афроамериканцы, идентичные по всем социально-имущественным характеристикам, но физические свойства среды, с точки зрения «защитимости», очевидно отличны. Комплексы близки по численности – каждый около 6000 человек – и плотности населения – по 576 чел./га. Но плотность эта достигается по-разному. Ван Дайк застроен, преимущественно, 14-этажными домами с поэтажными коридорами, занимающими 17% территории, а Браунсвилл – 3-6-этажными секционными домами с плотностью застройки 23%. Первый проект – прямое воплощение модернистской схемы «башни в парке», правда, вместо парка между домами – опасные для прохожих пустыри. Входы в дома удалены от улиц и каждый обслуживает от 112 до 136 семей. Второй проект расчленён на мелкие, лучше контролируемые обитателями жилые группы, а каждый дом – на секции размером в 9-13 квартир, небольшие дворы расчленены на масштабные пространства крестообразными в плане зданиями и хорошо просматриваются из окон квартир. Ньюман подробно анализирует разный характер использования внутридомовых пространств и внешних территорий, чтобы затем перейти к сравнению криминальной обстановки. Оба комплекса относятся к очень неблагополучным (решающее влияние социально-экономических факторов очевидно), но разница всё же существенна. По данным полиции, за один год общее количество инцидентов в Ван Дайке и Браунсвилле соотносилось как 1189 к 790, в том числе уголовных преступление – 432:264; среди них кражи и грабежи – 92:24, а хулиганские действия – 52:28. И жители, и полиция, и менеджеры оценивали Браунсвилл как менее опасное и проблемное место. Если Вы сегодня, из любопытства, обратитесь в Интернет с поисковым запросом «Van Dyke Housing», то первые ссылки и сегодня будут такими: «Ещё одно насилие на сексуальной почве в комплексе Ван Дайк» и «200 камер видеонаблюдения не смогли остановить насильника». Правда, и Браунсвилл спустя полвека имеет весьма скверную репутацию в смысле безопасности.

/.../ Обеспечение безопасности средствами охраны или привратника требует организации входа в жилой комплекс в одном месте. Это обычно означает ограждение от двух до десяти акров жилой

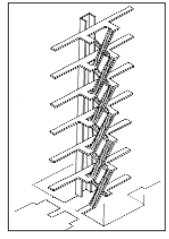


Жилые комплексы Браунсвилл и Ван Дайк в Бруклине (Нью-Йорк): наглядное пособие по теме «геометрия и безопасность» – равные дуг другу по всем социальным параметрам, но с разной пространственной организацией и уровнем преступности (Фото: © 1972 by Oscar Newman).

Не всякая многоэтажная многоквартирность стигматизирует, то есть, является отметиной беды. Эти кондоминиумы на Манхеттене – признак жизни более чем благополучной. Суть в том, что одни и те же пространственные формы в каких-то случаях приемлемы, безопасны и даже престижны, а в каких-то других – нет. Важны нюансы (Фото К. Кияненко).



Знаменитая модель Ньюмана, иллюстрирующая принцип постепенности перехода от приватной среды жилой ячейки к публичной среде улицы через полуприватные и полупубличные пространства-посредники (Фото: © 1972 by Oscar Newman).



Ньюман описывает известную американскую схему – спаренные эвакуационные лестницы типа «ножниц» (две независимые лестницы, пространственно «вдвинутые друг в друга – на рисунке для понимания не изображена разделяющая их по всей высоте стена) – как устройство, где экономичность и безопасность резко конфликтуют друг с другом. На таких лестницах полицейские имеют мало шансов настичь преследуемых ими нарушителей.

территории забором от окружающего района. В результате тысячи футов улицы лишаются любых форм социального и визуального контакта с жилищем. Естественный механизм, обеспечивающий безопасность на наших улицах, приносится в жертву безопасности жителей обнесённого стеной комплекса.

Защищающее пространство

Защищающее пространство – это жилая среда, препятствующая преступности путём наглядного выражения в материальных формах социальной структуры, которая защищает себя. /…/ Пространственное устройство многоквартирного жилища, начиная с организации дворовых площадок и заканчивая группировкой квартир, становится защищающим, когда жители могут легко воспринимать и контролировать любую осуществляемую здесь деятельность (1973). Защищающее пространство – это термин, используемый для описания жилой среды, физические характеристики которой – планировка зданий и территорий – позволяют самим жителям стать главными действующими лицами в обеспечении собственной безопасности (1976).

В своё время идея того, что самыми безопасными необязательно станут территории с максимальной концентрацией полицейских на квадратный акр, казалась чуть ли не революционной. А приоритет этой идеи приписывают той же Джейн Джекобс. В упомянутой выше книге 1961 года она писала: «Самое главное, что нужно понять про общественный покой в городе и на улице, заключается в следующем: он поддерживается не полицией, в первую очередь, при всей важности полиции. А сложной, почти неосязаемой паутиной неформального контроля и стандартов, существующих среди самих людей и навязываемых самими людьми»[1]. Ньюман сделал следующий шаг и показал, что конфигурация, плотность и эффективность этой паутины зависит от пространственных качеств среды.

Пять принципов проектирования защищающего пространства:

1. Адресование различным группам жителей конкретных пространств, которые те в состоянии контролировать и использовать наилучшим образом согласно своему возрасту, образу жизни, особенностям социализации, происхождению, доходу и семейной структуре.

2. Территориальная организация пространства в жилых образованиях, которая отражает зоны влияния конкретных обитателей. Жилая среда должна быть организована сферами, по отношению к которым проживающие поблизости люди смогли бы без труда выработать психологические установки владельцев.

3. Такое взаимное размещение интерьерных и экстерьерных пространств и окон, которое позволило бы жителям естественно наблюдать за внешними территориями и внутренними коммунальными зонами /…/.

4. Такое взаимоположение жилищ – входов в них и примыкающих пространств – с городскими улицами, чтобы распространить на участок улицы влияние жилой среды.

5. Принятие таких архитектурных форм и идиом, которые исключают клеймо непохожести на конкретной группе жителей, дающее повод другим воспринимать её членов как ущербных и изолируемых (1976).

Нетрудно заметить, что ни одно из перечисленных качеств не является добродетелью градостроительства и архитектуры модернизма, который либо оппонирует им, либо не принимает их во внимание. Сетовать на это обстоятельство до сих пор уместно, поскольку в отечественной практике многие формальные модернистские установки, идеи и концепции ещё весьма влиятельны, несмотря на весь постмодернистский, новый минималистский и какой угодно иной флёр.

Территориальность

Территориальность есть способность фи-

[1] Jacobs, J., op.cit., p.31.

зической среды создавать воспринимаемые людьми зоны территориального влияния[2].

В настоящее время большинство семей, проживающих в многоквартирном жилом доме, относятся к пространству за квартирной дверью как однозначно публичному, по существу, они взлагают ответственность за всё происходящее вне пределов их квартиры на власти. Вопрос заключается в том, есть ли какие-либо физические механизмы, с помощью которых можно расширить границы частных владений, разделить общественное пространство за пределами квартиры так, чтобы большая его часть оказалась в сфере влияния и ответственности жителей квартир. Исследование некоторых, более успешно функционирующих жилых образований показывает, что с помощью планировки территории и организации интерьеров архитектор может так разделить пространство высокоплотного комплекса, чтобы жители и посторонние воспринимали различные его части как сферы влияния конкретных групп населения. Далее, возможно так иерархически структурировать это разделённое пространство, чтобы на уровне комплекса в целом вся территория распределялась бы между отдельными зданиями, а на уровне квартир – каждые три или четыре сообща использовали бы входную зону. Мы обнаружили, что такое физическое членение, будучи ясно выраженным, в отношении пешеходных путей, обслуживающих пространств и входов, поощряет выработку у жителей психологической установки владельцев, осознания (К.К. – как ими самими, так и посторонними) их явных территориальных привилегий, которые служат естественным и действенным средством предотвращения преступности.

В 1991 году к О. Ньюману обратились власти города Дэйтон (штат Огайо, США) с просьбой помочь в реконструкции неблагополучного, в криминальном смысле, района с буколическим названием Пять дубов (Five Oaks). Нескольких десятков мелких городских кварталов, застроенных односемейными домами городской бедноты, с постоянными потоками транзитного транспорта делали невозможным контроль процветавших здесь торговли наркотиками и проституции. Предложение Ньюмана заключалось в том, чтобы пресечь транзит закрытием части дорог и расчленить район на десять непроходных «мини-соседств», группируемых вокруг тупиков и отделяемых от окружения въездными порталами. В ходе долгих и сложных переговоров со всеми заинтересованными сторонами, включая полицию, городскую администрацию, службу уборки снега и само население района, были определены границы мини-соседств и предложение оказалось реализовано. По данным городских властей, в следующие за реконструкцией два года общий уровень преступности в районе снизился на 25%, а насильственных преступлений – на 50%. Поток транспорта сократился на 67%, а транспортные происшествия – на 40%. Остаётся добавить, что общий уровень преступности в Дэйтоне за то же время возрос на 1% …

Исследование методологии проектирования /…/ обнаруживает два фундаментально различных подхода, каждый из которых использует собственные критерии успешности. Проектный подход, который порождает результаты типа Прютт-Айгоу, коренится в «композиционной» приверженности и ориентации: архитектор относится к каждому зданию как завершённой, отдельной и формальной целостности, исключая любые соображения функционального использования территорий или отношения здания к территории, которую оно могло делить с другими зданиями. /…/ Только после завершения расстановки зданий координируются пешеходные связи, игровые площадки и зоны отдыха. Этот композиционный подход к форме и размещению зданий имеет серьёзное влияние и на проектирование отдельной квартиры, и её размещения в структуре здания. Согласно ему основная забота планировки квартиры в здании – это влияние, которое она окажет на форму при восприя-

[2] Территориальность – одна из ключевых концепций ряда дисциплин, включая поведенческо-средовые исследования, антропологию, географию, политологию, социологию и др. В средовых дисциплинах феномен территориальности исследован, в частности, американцем Ирвином Альтманом. Он понимал её как явление, когда человек фиксирует какое-то пространство, определяет норму поведения в нём, осуществляет контроль над ним (цит. по: Хайдеггер, М. Феномен пространства в архитектурной среде: теоретический анализ // Средовые условия групповой деятельности. – Таллин: ПТИдИ им. Э. Вильде, 1988. – С. 9).

тии её извне. Взаимоотношения отдельных квартир друг с другом и обеспечение функционально удобного и используемого сообща пространства на каждом уровне становятся второстепенными обстоятельствами. Проектный подход, который генерирует территориально целостное жилое образование /…/, начинается с рассмотрения зданий и территории как органически взаимосвязанного целого. В данном подходе главная забота – то, как сами здания служат определению и расчленению территорий, на которых они располагаются. Отношения входов в здания к территориально фиксированным площадкам, систем вертикальных коммуникаций – к входным зонам становятся первоочередным соображением в решении генплана. Планировка квартир органично следует организации генплана и направлена на формирование отношений между квартирами и создание общих для них входных зон.

Проектируя зоны межсемейной ответственности, Ньюман пришёл к заключению, что большие группы неэффективны. «Мне приходилось, – пишет он, – создавать территории, требующие совместного присмотра группами в 8-12 семей. Это имело от минимального успеха до никакого. Территории содержались под присмотром, только если одна из семей брала на себя все связанные с этим хлопоты. Но если какая-то другая семья нарушала заведённый порядок, то первая опускала руки. Из этого следует урок: старайтесь расчленять все площадки и адресовать каждый клочок отдельным семьям»[9].

Естественная наблюдаемость

Повышение уровня «просматриваемости», – возможности наблюдать общественные пространства чьей-то жилой среды и создание ощущения, что каждый находится под наблюдением других жителей, оказываясь во дворе и в общественных помещениях внутри здания, – может оказывать заметное влияние на формирование среды, безопасной для спокойной активности. Дополнительное преимущество просматриваемости /…/ заключается в том, что она снижает иррациональные страхи и беспокойства среди обитателей. Это может иметь более широкое значение, поскольку жители, ощущая некоторые зоны как не содержащие угрозы, станут их чаще использовать, что приведёт к дальнейшему росту безопасности в связи с их людностью.

/…/ Многоквартирный жилой комплекс следует проектировать так, чтобы как можно меньшее число жилых ячеек имело общий для них вход со стороны улицы. Проектировщики могут разместить квартиры, окна и входы, предусмотреть направления пешеходного движения и расположение зон деятельности, обеспечивая, при этом, жителей постоянным естественным присмотром за улицей и территориями комплекса. Улица попадает под наблюдение из здания, входы в здание и его вестибюли – под наблюдение со стороны улицы. /…/ Ежегодный уровень преступности в лифтовых холлах, не просматриваемых извне, со стороны входа в здание, был на 65% выше, чем в просматриваемых.

Называя «наблюдаемость» или «просматриваемость» естественной, Ньюман имеет в виду, что подходящая планировка жилищ, территорий и окон между ними позволяет человеку держать под визуальным контролем ту или иную среду, не прерывая свою повседневную деятельность, не прикладывая для этого специальных усилий. Примеры «неестественной» наблюдаемости в изобилии даёт архитектурная практика, в том числе российская. Скажем, матери, проживающей в односторонне ориентированной на улицу квартире, для контроля её ребёнка, играющим во дворе, придётся выйти на промежуточную лестничную площадку и попытаться выглянуть в проём размером чуть более квадратного метра. И ей крупно повезёт, если игровая площадка находится в зоне видимости из этого окна. Если нет – придётся спуститься вниз и выйти из подъезда. А лучше, от греха подальше, просто не пускать маленького ребёнка на улицу. Часто так и поступают.

Образ и среда

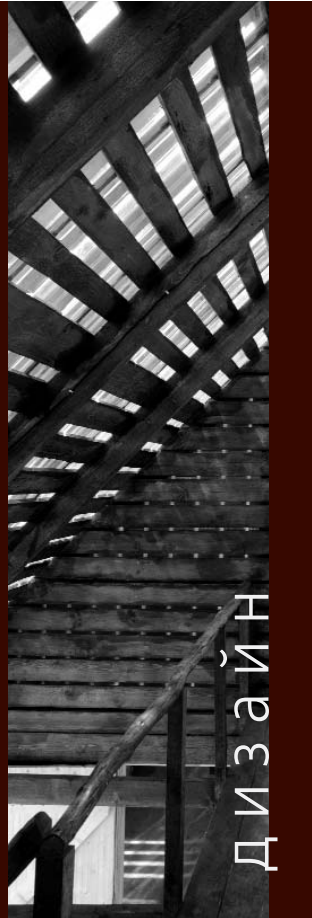
Внедрение в сложившуюся городскую ткань большого массива новых зданий, отличающихся от окружения по высоте и структуре, делает их предметом пристального внимания. А если их особый образ ещё и негативен, на жилом образовании ставится клеймо, а его жители обречены на пренебрежение и преследование. /…/ Специфический образ общественного жилища, усугублённый другими проектными особенностями и социальными характеристиками населяющих его жителей, превращает такое жилище в чрезвычайно уязвимый объект для криминальной активности.

Долгое время политика жилищных властей в отношении проектирования и оборудования (К.К. социального жилища) заключалась в том, чтобы использовать антивандальные и износостойкие отделочные материалы. В облицовке коридоров общественного жилища стандартной стала глазурованная плитка /…/. Её легко мыть, очищать от граффити, и служит она дольше, чем штукатурка. Коридорные светильники сейчас делают из небьющегося пластика в надежде, что они будут служить вечно. /…/ В результате этого подхода к отделке и оборудованию создаётся казённая атмосфера, напоминающая худшие больницы и тюрьмы. /…/ Вместо того, чтобы формировать среду, которой жители могли бы гордиться и которая вызывала бы желание ухаживать за ней, создаётся то, что провоцирует их на демонстрацию собственных разрушительных способностей. В итоге, даже казённую стеновую плитку и антивандальные радиаторы Прютт-Айгоу ожидал заслуженный конец. /…/ По некоему «джентльменскому» соглашению общественное жилище не должно конкурировать с дорогим по своему внешнему виду, даже если его стоимость за квадратный фут и выше. К сожалению, эта практика не только «указывает бедным их место», но и делает их ущербность заметной для всех. /…/ Неспособные замаскировать свою принадлежность и воспринять установки, характерные для жителей собственных квартир, они иногда демонстрируют болезненную реакцию и обращаются со своими жилищами как заключённые с тюрьмами.

Концепция «защищающего пространства» лишний раз показывает: решению любой проблемы предшествует осознание её наличия. Вскрытые Ньюманом аспекты средовой организации и проектной работы, отечественная архитектура жилища, по большому счёту, ещё не рассматривала. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно взять практически любой проект дома, комплекса, жилой группы, квартала. Конечно, теория Ньюмана не безупречна, многие претензии к ней обоснованны, а многие аспекты американской и российской действительности, по уровню и содержанию преступности в районах «жилища для бедных», её причинам и особенностям, к счастью, пока существенно отличаются. Но если мы не хотим, чтобы различия всё больше нивелировались, нужно действовать. В числе прочих, и архитектурно-градостроительными средствами.

[9] Newman O., 1996, p.74.

Два сюжета минувшего лета – «Архстояние» и «Города». Рассказывают А.Кочуркин и И.Овчинников

Сингулярность превращается в модное словечко. По крайней мере в Париже. По итогам сентябрьского салона M&O

На вопросы о том, сколько еще планете нужно новых диванов и светильников, дизайнеры отвечают: «Человечество ближайшие тысячу лет будет сидеть на креслах, обедать за столом и спать в кроватях». Это означает, что роль дизайнера пока будет сводиться не к изобретению новой типологии предметов, а к переосмыслению уже имеющихся, что наглядно демонстрируют новые модели